

Коронованная женщина

Принадлежность императрицы к прекрасному полу неизбежно влияла на различные стороны государственной жизни и заметно сказывалась в области быта и нравов, привлекавшей особенное внимание Елизаветы. Одиннадцатого декабря 1742 года она приняла указ о запрещении носить дорогую одежду, вытканную золотом и серебром, и кружева свыше трех пальцев шириной. Старые платья разрешено было донашивать, но предписывалось, во избежание тайного шитья новых, приносить их в государственные учреждения для клеймения в незаметных местах сургучной печатью. Устанавливалась также допускаемая цена нарядов: она регламентировалась рангом их владельцев, а дамы носили платья в зависимости от чинов мужей. Действие указа не распространялось на императрицу, наследника престола и иностранных дипломатов. Французский резидент д'Аллион отмечал, что этому распоряжению «очень радуется русское дворянство, которое разорялось от чрезвычайной роскоши предшедшего царствования».

Появление указа было вызвано финансовыми затруднениями в ходе войны со Швецией, поэтому он действовал недолго. В последующие годы роскошь стала непременным условием придворной жизни. М.М. Щербатов отмечал, что «Двор, подражая или, лучше сказать, угождая императрице, в златотканые одежды облекался; вельможи изыскивали в одеянии все, что есть богаче, в столе все, что есть драгоценнее».

Сама Елизавета приобретению нарядов и украшений придавала очень важное значение. Она внимательно следила за прибытием в порт кораблей «с разными уборами дамскими» и немедленно учиняла осмотр новинок. Ни один купец не имел права продавать товар, пока императрица не отобрала понравившиеся ей вещи и ткани. Она поручала покупку модных материй и «галантерей» для себя даже российским послам за границей, особенно в Париже.

В Петербурге преимущественным правом торговли зарубежной галантереей пользовались русские купцы, «которые по праву мещанства приобрели себе вольность такие товары в своих лавках продавать, выписывая их из других мест». Но несмотря на запреты, продажей «новомодных вещей» занимались и иностранцы. В феврале 1754 года правительство подтвердило прежние указы о запрещении иностранной торговли «такими предметами» в Петербурге. В печати отмечалось, что данному обстоятельству «способствовала бесстыдность, каковую некоторая женщина Тардие имела под продерзостнейшими отговорками отказать в новомодных галантереях, которых у ней со стороны императрицы требовать присылало». Поведение продавщицы можно понять: Елизавета «была чрезвычайно скупа в своих покупках» и любила приобретать вещи дешево или в кредит. Тардые была даже арестована, но государыня, «будучи всегда к милости склонна, сию продерзость ей простила». В этом эпизоде примечательна непоследовательность

Елизаветы, которая могла обращаться за товарами к людям, не имевшим права торговли согласно ее же собственным указам.

Лишь в последний год жизни тяжело больная императрица, потерявшая, по-видимому, интерес к «новомодным вещам», передала Сенату повеление запретить ввоз из-за границы «галантерейных товаров». Она приняла это решение, «рассуждая о умножившейся расточительной роскоши молодых людей и сожалея матерне о том, что молодые дворяне от того крайне разоряются».

Елизавета Петровна искренне считала себя «матерью подданных» и проявляла заботу об их нравственности. Так, стало известно о существовании в Петербурге «дома свиданий», который был устроен предприимчивой уроженкой Саксонии Анной Фелькер по кличке Дрезденша, набравшей «в услужение приезжающим к ней гостям... множество недурных и молодых девиц». Петербургские дамы с некоторых пор заметили, что их мужья стали поздно возвращаться домой и охладели в своих супружеских чувствах. Жены обратились с жалобой к императрице. Действия Елизаветы на этот раз были быстрыми и решительными. Двадцать восьмого июня 1750 года она дала указание кабинет-министру В.И. Демидову разыскать Дрезденшу и «взять под караул в крепость со всею ее компаниею». Арестованная Анна Фелькер под пытками назвала места притонов, в которых за три последующих дня было поймано более пятидесяти «сводниц и блудниц». Первого августа того же года Елизавета передала через Демидова приказ Главной полицмейстерской канцелярии «принять меры к поимке... всех непотребных женщин и девок», которые скрываются «около Санкт-Петербурга по разным островам и местам». Руководство борьбой за нравственность Елизавета Петровна поручила особой комиссии во главе с Демидовым, которая в течение 1750-го и 1751 годов рассмотрела около двухсот дел о содержании домов терпимости, проституции, изнасилованиях, сводничестве, внебрачных связях и супружеских изменах. Основной мерой пресечения нравственных преступлений являлась принудительная работа на казенной полотняной фабрике в деревне Калинкиной под Петербургом, куда были отправлены и «красавицы» Анны Фелькер. Двое посетителей ее дома вопреки их желанию были Елизаветой обвенчаны, что, по-видимому, явилось назиданием для всех «живущих безбрачно».

Борьба за нравственность нашла отражение и в последующих указах Елизаветы Петровны. Узнав в апреле 1754 года об изнасиловании майором И.М. Евреиновым крепостной девушки, императрица сначала приказала ему жениться на ней, но потом разрешила вступить в брак со «сговоренной уже невестой» при условии, что он выплатит две тысячи рублей «в вознаграждение» пострадавшей.

Увидев однажды продаваемые в Гостином дворе табакерки с неприличными рисунками и надписями, Елизавета распорядилась издать специальный сенатский указ об изъятии «таковых вещей» из продажи.

Многие императорские указы регламентировали быт и нравы столичных городов и способствовали повышению культуры их жителей. В Петербурге и Москве Елизавета Петровна запретила проводить кулачные бои, содержать на больших улицах питейные дома, «в торговых банях... мужеска и женска пола людям париться вместе», заводить домашних медведей, ездить на «бегунах», произносить в общественных местах «бранные слова», собирать милостыню и посыпать улицы можжевельником во время погребальных процессий. Любовь императрицы к культурным увеселениям наложила отпечаток на быт обеих столиц и повлияла на психологию их обитателей. Иностранцы наблюдатели в феврале 1754 года отмечали, что среди обывателей Петербурга и Москвы «всякий день говорится только о комедиях, комических операх, интермеццах, балах, маскарадах или о других тому подобны забавах».

Елизавета Петровна следила за состоянием застройки столичных городов, принимая подчас суровые решения о сносе лачуг или уродливых зданий. Сама же она стремилась найти в архитектуре удовлетворение своего пристрастия к красоте, роскоши и великолепию. Созданные по ее заказу грандиозные творения Б.В. Растрелли – Большой дворец в Царском Селе и Зимний дворец – точнее всего отражают вкусы Елизаветы, находившей в пышности и изяществе барокко символ величия своей власти.